

Матлин М. Г. Состязание смехом в традиционной русской свадьбе XIX — начала XXI веков / М. Г. Матлин // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 159—174. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-159-174.

Matlin, M. G. (2019). Laughter Contest in Traditional Russian Wedding of 19 — early 21 Centuries. *Nauchnyi dialog*, 6: 159-174. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-159-174. (In Russ.).

УДК 392.51:908(470.42)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-159-174

Состязание смехом в традиционной русской свадьбе XIX — начала XXI веков

© Матлин Михаил Гершенович (2019), orcid.org/0000-0003-0748-1081, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия), matlin@mail.ru.

Описан опыт многолетней работы автора по изучению смехового начала в русской народной свадьбе. В данной работе, в частности, рассматривается одна из форм его воплощения в русской традиционной и современной свадьбе. Особое внимание уделяется таким обрядам, как Сватовство, Посещение девушками дома жениха, Выкупы в доме невесты. Показывается, что эти и другие свадебные обряды, требующие активного взаимодействия брачующихся сторон, очень часто были одновременно и смеховыми состязаниями, в которых ярко проявлялось мастерство владения тем типом народного красноречия, которое получило название балагурства. В этом состязании, которое представляло собой диалог, репликами сторон были как спонтанные, так и стереотипные речевые высказывания, в том числе такие фольклорные жанры, как приговоры дружки и корильные песни. В статье доказано, что в современной свадьбе это речевое состязание не только получило дальнейшее развитие и упрочение, но могло уже реализовываться с одновременным использованием устной и письменной речи, в том числе и официальных документов. Больше развитие в современной свадьбе также получило не вербальное состязание сторон, а акциональное оформление смехового диалога, при котором могли быть использованы предметы, приобретенные в конкретной свадебной ситуации смеховое значение (например, выставление на стол для гостей пищевых отходов вместо праздничного угощения).

Ключевые слова: традиция; смех; русская народная свадьба; обряд; речевое состязание.

1. Введение. История изучения смеха в русской традиционной свадьбе

Смеховое начало в русской традиционной свадьбе анализировалось в публикациях, посвященных корильным песням [Круглов, 1989, с. 87—

120; Шевченко, 2010, с. 171—218], приговорам дружки [Поздеев, 1984; Крашенинникова, 2003a], а также отдельным обрядам послесвадебного этапа [Кальницкая, 1984, с. 44; Матлин, 2016]. Исследователи сходятся в том, что только начиная со свадебного стола лирико-драматическое начало сменяется смеховой стихией [Гура, 1999, с. 82]. Наличие / отсутствие смеховых форм и жанров рассматривается учеными как критерий разграничения двух основных типов русской свадьбы — свадебного ритуала восточнославянского Запада и Юга (свадьба-веселье) и свадебного ритуала русского Севера (свадьба-похороны) [Ефименкова, 1987]. Исторические трансформации свадебной обрядности видятся ученым в том, что именно смеховая культура вытесняет семантику ритуально-мифологическую [Зорин, 1981, с. 118—128; Жекулина, 1982, с. 244].

Смеховое начало стало признаваться одной из доминант свадьбы в целом (и южно-русской, и северно-русской) только в работах последних десятилетий. Например, В. П. Кузнецова указывает на то, что, хотя смеховые действия в северно-русской свадьбе «совершались в основном в свадебный и послесвадебный дни», в некоторых «локальных вариантах они были приурочены к просватовству» [Кузнецова, 1997, с. 131]. В статье комментируются изменения в характере и функции смеха в обряде. Например, смехом «сопровождалось открывание молодой перед отъездом в церковь» [Там же, с. 134], смех сопровождал такие ритуально значимые акты, как припевание, дарение молодых, приготовление бани для них и др.

З. И. Власова отметила особую роль дружки, его приговоров и действий в создании смехового мира традиционной русской свадьбы [Власова, 2001, с. 95]. Исследователь утверждает, что дружка — это своеобразный исторический преемник скомороха [Там же] и что именно скоморохи принимали участие в «создании приговоров дружек и корильных песен, в забавных указах и росписей приданого, выходов с “конем” и с “крюком”, мячом, в характеристике возрастных групп зрителей...» [Там же, с. 126].

С. К. Лашенко на примере украинской свадьбы выявила «многообразие смехового мира свадебного обряда», наличие «многочисленных “смеховых зон”» комплекса свадебного обряда и охарактеризовала свадьбу как «богатейшее хранилище разнообразных смысловых значений смеха»: «Каждый ритуал, каждый участник и тем более каждый его герой всегда были окружены особой смеховой аурой, смеховой символикой, смеховыми действиями, являясь покровителями смеха и одновременно покровительствуемыми им» [Лашенко, 2006, с. 138].

Л. М. Белогурова на большом материале показывает, что свадебными дразнилками «обмениваются представители двух семейных кланов —

жениха и невесты — с целью осмеять, оскорбить и унижить “противника”», и затевались они «при любой встрече двух семей, при каждом их контакте» в процессе совершения свадебного обряда [Белогурова, 2011, с. 18, 21].

2. Основные формы смехового начала в свадьбе

Выявление и анализ смеховых форм в русской традиционной свадьбе — достаточно сложная процедура.

Во-первых, смех может порождаться сознательной установкой исполнителя / исполнителей на смех у окружающих, даже если они не воспринимают данное действие как смеховое («Я смешу, но Они не смеются»); зрители / слушатели могут смехом реагировать на исполнителя / исполнителей, даже если для него / них действия не имеют смехового значения («Я не смешу, но Они смеются»); и, в конце концов, смех обнимает одновременно исполнителя / исполнителей и зрителей / слушателей («Я смешу, и Они смеются»). При этом смех может иметь разную направленность: смеющийся может направлять его на самого себя, точнее говоря, на образ, создаваемый им; смех может быть направлен на другого, чье поведение является неправильным и смешным с точки зрения традиции; смех может иметь двойную направленность, когда смеющийся и осмеиваемый в процессе взаимодействия периодически меняются ролями.

Во-вторых, при отсутствии указания на смеховое начало в определенных ситуациях вполне возможно приписывание им такого значения, исходя из того, что перед нами типичное смеховое поведение в контексте данной культуры.

Смеховое начало могло создаваться при помощи вербальных текстов — от спонтанных до стереотипных, от стихотворных (приговоры дружки) до песенных (корильные песни). Оно могло также возникать в результате действия свадебных персонажей (например, заголение). Большую роль в создании смеха играли и предметы. С одной стороны, это могли быть предметы, специально изготавливаемые для использования в обряде (например, маски на постельничьих), или несколько трансформированные бытовые предметы, утварь, посуда (стакан с дыркой), или нетрансформированные предметы, используемые в символических актах и тем самым обретающие новое ритуальное значение.

Важно и то, что именно в обряде, в том числе свадебном, наиболее ярко воплощается и раскрывается смех как действие, смех как тип поведения [Хонский, 2012а], который в этом своем статусе выполняет разнообразные социально-психологические функции [Хонский, 2012б].

Смех играл важнейшую роль в русской традиционной свадьбе и продолжает многое определять в современном его варианте. Формы его воплощения и функции в разных обрядах, обрядовых актах и сценках весьма разнообразны, они складывались и получали дальнейшее развитие под воздействием многих факторов и были неразрывно связаны с театральным поведением участников обряда.

Смех, например, мог быть формой состязания двух брачующихся сторон, так что в этом случае можно говорить о своеобразном состязании и смехом. Представители одной из семейно-родовых или социальных сообществ порою смехом испытывали участника или участников обряда, поэтому здесь мы имеем своеобразное испытание смехом. Некоторые свадебные акты, являясь специфической формой социально-этического наказания человека, также включали в себя смех, что приводило в конечном итоге к посрамлению смехом. В других актах и обрядах смех мог быть связан с розыгрышем или обманом.

Конечно, выделение указанных особенностей функционирования смеха в свадебном обряде условно, вполне возможны и такие случаи, когда разграничить состязание и посрамление, испытание и посрамление сложно, а порою и не нужно. Тем не менее анализ специфики смехового начала в свадьбе, на наш взгляд, всегда должен исходить из учета той конкретной ситуации, в которой он возникает, и тех целей, которые преследуют ее участники.

Так, например, в обряде Сватовства смех и игровое поведение не были предопределены семантикой данного ритуала, а возникали в результате сознательного смехового, а порою и шутовского обыгрывания ситуации как одной из сторон, так и обеими. Возникавшее общение перерастало порою в очень яркое смеховое театральное-игровое состязание [Матлин, 2015].

Типологически схожие ритуальные брачные диалоги, представляющие собой словесное состязание между представителем потенциального жениха и потенциальной невесты и ее родителями или их представителем и смеховым началом, существовали в различных кельтоязычных обществах, преимущественно при сватовстве и помолвке [Neill, 2007, p 101—115]. Однако состязание смехом было характерно не только для сватовства, но и для многих других обрядов и обрядовых актов русской традиционной свадьбы.

3. Состязание смехом в русской традиционной свадьбе

Как известно, важным этапом в русском традиционном обряде был приезд свадебного поезда из дома жениха в дом невесты и преодоление

им различного рода препятствий; некоторые исследователи называют это кульминационным моментом всей свадьбы. Ю. А. Крашенинникова, анализируя один из вариантов такого диалога — диалога у закрытых дверей, называет его «словесным диалогом-поединком», который вели представители «двух родов: дружки и представителя рода невесты (брат, отец, особый “староста” и др.). Положительный исход словесного диалога-поединка состоял в символическом и реальном преодолении обороны невесты, получении дружкой “пропуска” для жениха в ее дом» [Крашенинникова, 2003б]. Нередко такие диалоги, как и во время сватовства, включали в себя смеховое начало.

Не исчезало оно и из диалогов, происходивших между теми же участниками свадьбы и в доме. Весьма интересный вариант такого диалога привел П. В. Шейн. Его своеобразие состояло в том, что ответом на смеховую характеристику стороны невесты стала корильная песня, исполненная девушками.

— *Здравствуйте, малые ребята, голые пузата! Все ли здоровы?*

— *Наши ребята все здоровы, приказали нам поклониться вам.*

— *Я вам, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорец про вас, да не смею рассказать при вас, а если лъзя да можно, оставляю свои зарюки, расскажу ваши пороки: вы на полатях-то лежите, да нам в чашку соплей не напустите: нам, гостям, моркотно покажется!*

В толпе слышится говор: «За такие шутки друженьке нужно спеть!» И ему песенку запевают:

Ой, ты друженька —

Рожка прящицею!

Ой, ты друженька —

Зенка скляницею!

Ой, у друженьки —

Нос-то крючком!

Ой, у друженьки —

Голова пестом!. и проч.

Дружка топает ногой и говорит повелительно: «Но-о! за песню откуп — уймись!» подает денег [Шейн, 1900, с. 655].

П. Певин в описании свадьбы в Толуйском приходе Петрозаводского уезда Олонецкой губернии отмечает, что в доме невесты «дружки-вершники», приехавшие узнать о готовности невесты, после традиционных поэтических вступительных приговоров *начинаются переговоры с приговорами (с той и другой стороны выбираются такие личности, у которых «язык с приговором»)* между дружкой и уполномоченным невесты. Каждая

сторона старается подтруснуть, сосстричь на счет другой. Дружка высказывает предположения относительно причины отсутствия невесты; со стороны же невесты подсмеиваются над дружками, которые вдруг приехали за невестой, а невесты нет, и предлагают им заняться исполнением у них какой-нибудь черной работы. Насказав друг другу милых нелюбезностей, обе стороны в конце концов приходят к соглашению» [Певин, 1893, с. 238].

Ярким и красочным действием были диалоги во время «вывода перед столы» в свадьбе д. Маркуше Тарногского района Вологодской области, приведенные в знаменитом издании «Русская свадьба: свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области)»: *Нарядятце две вывожельницы, сноха и божатка. Наперво сами идут, им по стакану живо подадут. Им дадут два стула, они задницами поворотятце, как сядут. Выпьют. Сват нальет ещё по стакану и с другой стороны зайдёт, подаст. Оне тогда встанут на ноги, поворотятце лицом к прибору и спрашивают: «Што же, цесные гости, двоим идти или третью вести?» Прибор: «Двоим не ходите, третью ведите!» Они ведут невесту. Пока ведут по мостам или по сараю, дак одна разматает дорогу веником перед невестой, што не брошено ли? На порог невесту заставляють ступить, через порог не шагает. В избу заходят — приборяна на ноги встають, а жоних сидит. Они (вывожельницы и невеста) здороваютце с бабами из прибора, целуютце. Потом станут: «Поклонитесь пониже, дак мы подвинемсе поближе. У нас невеста, как ягодка!» — «У нас жониишок, как яблоцёк!» (из-за стола). Вывожельницы: «У нас во пионици нет травы повилицы. У вас во ржи нет ли травы метлицы?» Прибор: «У нас не бывало травы метлицы, у нас борова ярожь, метлицы не растет!» — «Цесные гости, как станете носить пятакам (здарье), так станем дарить лафтакам (лоскутьями). Станете росить серебром, станем дарить цистым полотном. Если станете дарить бумажкам, дак будем дарить рубашкам. Цесные гости, не заботьтесь, место под деньги есь. Под бумажки да есь кармашки, под серебро-то ведро, под мидници — дак хлибници. Вы нонь ездили в городок да купили плетешок. Отдали денег-то полушку, дак надо ли на нашу невесту накладыват борушку?» Те: «Нам не надо без борушки!» Вывожельницы: «У вас домик-пятистенок, роскатать-то роскатали, а роспятнать — не роспятнали. Окладите как?» — «Бревёшко привезём, пятистеноцёк окладём». — «Если невеста погленулась (жениху), так тулуп съмай да по стаканцику винца подай!» Жоних разоблакаитце, выходит к невесте перед стол. Подаёт пиво жоних. Наперво с невестой выпьют [Балашов и др., 1985, с. 136].*

Выше было сказано о своеобразной традиции — свадебных дразнилок, зафиксированных в Смоленской области. Эти дразнилки представляли собой «небольшие по объему, нередко ограниченные двумя-тремя стиховыми строками песенно-речитативные реплики (хотя встречаются и более развернутые тексты), которыми в процессе свадебного действия обмениваются представители двух семейных кланов — жениха и невесты — с целью осмеять, оскорбить и унижить “противника”» [Белогурова, 2011, с. 18]. Они исполнялись в «форме диалога двух хоров или солистов либо солиста и хора», однако в реальной практике они могли петься «не попеременно, а фактически одновременно», победителем такого состязания, в котором смех был важнейшим составляющим, становился тот, «за кем останется последнее слово» [Там же]. Обобщая анализ этой традиции, автор отмечает, что «смоленские свадебные дразнилки аккумулируют в себе и воплощают идею восточнославянской свадьбы как диалога двух партий <...> этот диалог, разворачивающийся в жанре спора, по существу бесконечен» [Там же, с. 22].

4. Состязание смехом в русской современной свадьбе

Смеховое состязание в форме речевого поединка сохранилось и получило развитие в современной русской сельской и городской свадьбе. При этом, как и в XIX веке, носители традиции особо выделяли это умение и считали его важнейшим для «главных действующих лиц» свадьбы. Так, например, в с. Потьма Карсунского района Ульяновской области на просьбу жениха и его товарищей, отправляющихся за невестой и просящих добавить деньги для выкупов, мать жениха сказала: *«Деньгами не отделявайтесь, отделяйтесь языком. Умейте калякать!»* (1978; с. Потьма Карсунского района Ульяновской области; Козлова З. И.; записала В. Туганова). Этот наказ они вполне реализовали потом в доме невесты.

Теперь начинают выкупать невесту. Бросают на тарелку мелочь, говорят: «Все цветы, на тарелке нарисованные, покрыли!» Хвалят жениха. <...> На тарелку кладут еще один рубль.

— Что их, на почте, что ли, не принимают рваные деньги, раз вы их нам даете?

— А как же! Нынче всю ночь делала их — тёрла! <...>

Подруги отдают листы бумаги с ценами родственникам жениха для «отчетности».

— Без росписи и штампа не возьмём!

— Тогда оплатите их!

На тарелку кладут еще деньги.

— *Это деньги разве?! Это коробка спичек, а не деньги! Просят «красненькую». <...> Снова рядятся, спорят.*

— *Мы ведь даже карманы все вытряхнули!*

— *Нет, нет, наверное, в сапог, язвы, положили!*

— *«Зеленых» положили, «красных» положили, что еще надо?» (1978; с. Потьма Карсунского района Ульяновской области; Козлова З. И.; записала В. Туганова).*

Среди обрядов предсвадебного этапа особо можно выделить посещение девушками дома жениха, цель которого — передать рубашку, специально купленную ему невестой для свадьбы. Очень часто участники обряда, следуя комической доминанте, превращали обряд в яркое театрализованное действие импровизационного характера. Девушки, например, придумывали для себя своеобразную «сценическую» версию посещения дома жениха с рубашкой:

Мы ходили вчетвером: сестра невесты, ее подруга с работы, я и моя сестра. Мы пришли к невесте домой. Невесту отправили в косметический кабинет, чтобы она готовилась к свадьбе. Мы решили, что мы сделаем себе вот такие визитки, на которых будет написано, например, «Агент Юля», «Агент Света», «Агент Лена» и «Агент Ира». Мы как бы представляли собой коммивояжеров, которые сейчас ходят по домам и что-то продают (Пыркина Ю. А., рассказ о свадьбе 1997 г.).

У нас было акционерное общество «Надежда», а мы все были как агенты этого АО. Мы все сделали себе визитные карточки, прикрепили к пиджаку. Там написано: «АО «Надежда». Агент Оксана». И мы так пошли. Директора фирмы у нас как будто не было, он не мог пойти с нами, как будто в командировке (Кузнецова О. Г., рассказ о свадьбе 1997 г.).

Готовились и со стороны жениха.

Мы тоже готовились. Мы на двери, на входной, повесили объявление, что требуется свадебная рубашка, там, самая красивая, самая-самая. Короче, соврали, что очень большого размера. Ну, такое вот в шуточной форме объявление повесили на входной двери у подъезда и повесили такое же объявление на своей двери. У них же должна быть какая-то зацепка, почему они пришли продавать нам рубашку: увидели объявление, прочитали его и пришли к нам (Деменчикова О. В., рассказ о свадьбе 1997 г.).

По-«театральному» организовывались и дальнейшие действия как девушек, так и родственников со стороны жениха.

Пришли вроде как в тот дом, где жених живет, продавать рубашку. Нас там ждали. Отец жениха стоял на лестнице. Мы стали подходить, а он перед нашим носом дверь закрыл. Мы были удивлены. Но по-

том мы постучались. Нам дверь немножко приоткрыли и спросили: «Кто вы такие и зачем сюда пришли?» Мы говорим: «Мы тут рубашки продаем, слышали, у вас здесь жених живет. Вам не надо рубашку?» Они: «Нет, нам не надо». Мы опять стоим, как эти, около двери. Еще раз постучались. Нас пустили. Мы прошли, встали у порога, стали раздеваться, но нас остановили: «Мол, подождите, что это вы сюда пришли? Мы еще узнаем, кто вы такие! А они сразу раздеваются! (А кто там был?) Там собрались друзья жениха, братья, родители, тетя. Они стали спрашивать: «Зачем пришли?» Мы говорим: «Вот, из АО “Надежда”. Продаем рубашки». Ну, они, вроде как, сказали: «Проходите». Но все равно в дом не приглашают. И мы все так и стоим у порога» (Кузнецова О. Г., рассказ о свадьбе 1997 г.).

Мы начали продавать рубашки. (С какой рубашки начали?) С самой маленькой. Мы не показывали, она лежала в пакете, а говорили, что у нас есть рубашка, красивая рубашка, вашему жениху. Ну, вытацили мы эту рубашку. За какую-то мелочь ее продали. Они взяли, распаковали — она маленькая. Тут мы достали другую: раз эта, мол, не подходит, вот другая. Они спрашивают: «За сколько?» Я уж не помню, какие цифры мы говорили. Они говорят: «Вы нас обманываете. Покажите». Ну, мы достали — рубашка белая, но вся драная. Ее не видно было, что она драная. Они: «Ладно, купим». Купили распаковали, она опять драная. Потом мы продали газетную рубашку, потом старую. Ну, тут сестра незамужняя вытацила настоящую рубашку, продали мы ее. Потом — за стол (Пыркина Ю. А., рассказ о свадьбе 1997 г.).

В смеховом ключе могло развертываться и важнейшее, с точки зрения обряда, действие стороны жениха — угощение «продавцов рубашки». В таком случае оно также представляло собой смеховой ответ на комические импровизации девушек, но могло и предшествовать им.

Затем мать жениха в знак благодарности пригласила нас к столу, на котором стояли следующие блюда: в бутылку из-под водки была налита вода, в тарелках вместо салатов была кожура от апельсинов и картошки, битая яичная скорлупа, в общем все отходы. Друзья жениха при этом, угощая нас, приговаривали: «Кушайте, гости дорогие, чем богаты, тем и рады» (Иванова Е. А., рассказ о свадьбе в г. Инзе).

Потом выходит тетя жениха и говорит: «Девочки, давайте я вас сначала угощу выпивкой и закуской». Выносит на подносе картошку неочищенную, очистки, арбузные корки, засохшие огурцы, помидоры — это, значит, такой закуской они решили нас угостить. Выносят типа водки бутылку, закрытую бумажной пробкой. Говорят: «Девочки, давайте вы-

пьем!» Мы, как увидели эту закуску, конечно, отказались. Тут все посмеялись. Говорим: «Нам жениха покажите, чтоб нам ему рубашку по размеру выбрать». Выходит жених. В такой шубе столетней давности, в шапке ушанке и в очках — один глаз со стеклом, другой — без. Весь хромой такой. Мы говорим: «Нам бы жениха Славу». Они: «У нас только не Слава, а Вася! Но тоже жених!» Так они приколотись. А мы набрали кучу рубашек разных (Кузнецова О. Г., рассказ о свадьбе 1997 г.).

Приведенные примеры показывают, что состязание брачующихся сторон не всегда представляло собой вербальный смеховой диалог. Оно могло оформляться и акционально, с использованием предметов, приобретающих в данной ситуации смеховое значение (выставление на стол для девушек пищевых отходов вместо праздничного угощения).

Смеховой речевой диалог мог также реализовываться с одновременным использованием устной и письменной речи. Так произошло, например, в пос. Лесная Дача Барышского района Ульяновской области.

Вот едут за невестой. Приехали. Подъезжаем, подъехали к дому невесты и спрашиваем: «Сюда ли мы попали? Здесь ли находится невеста?» Ну отвечают там: «Да, сюда попали». Прежде чем дойти до невесты, подходишь к воротам, нужно выкупить ворота. Ворота выкупили... На воротах написано: «Продается невеста — рост два метра (все хохочут, хохочут, жениха спрашиваем: «Будем брать такую?» — «Будем!»), вес двести килограммов («Ой! Нам такая не нужна, на бойню поведем»), хорошая, косая, лысая, носит зеленый парик, размер ноги пятидесятый (говорю: «Да где ж мы такую обувь будем брать, на лапти лыка сколько надо!»)». Ну, спрашиваем жениха: «Будем такую брать?» — «Будем!» Сватья кричат: «Ворота выкупайте!» Мы деньги достаем: кто десять рублей, кто сто рублей, кто тыщу, бутылкой трясем, рюмкой, говорим: «Давайте мы вам нальем». Ну, ворота выкупили. Ну, хохочем [Современный ..., 1997, с. 53].

В связи с тем, что Интернет сегодня — это не только «высокая технология, особый язык», но и «средство решения различных социальных и индивидуальных задач» и, самое главное, «значимый фактор и аспект современной среды обитания человека» [Розин 2007, с. 17—18], он стал одним из важных каналов ретрансляции свадебных традиций. Среди разнообразных гипержанровых (портал, сайт, блог и др.) и жанровых (форум, чат, пост, или заметка автора и др.) форм Интернет-коммуникации [Горошко, 2007; Горошко, 2009; Горошко и др., 2010; Горошко и др., 2015; Карасик, 2019] особо значим для исследования современной свадьбы видеохостинг YouTube. Именно там на многочисленных персональных каналах выкла-

дывают видеозаписи отдельных свадебных обрядов как главные «герои» свадебного торжества — жених и невеста, их родственники, друзья, так и те, кто занят в сфере брачного бизнеса — владельцы фирм, видеооператоры, организаторы свадеб (тамада). Эти записи предоставляют возможность виртуального включенного наблюдения, конечно, с определенными ограничениями, обусловленными позицией видеооператора. Среди них очень много фиксаций выкупов-испытаний, которые разворачиваются возле дома и в доме невесты и представляют собой смеховое состязание между стороной жениха и стороной невесты.

Так, во время такого выкупа-испытания на свадьбе в г. Ставрополе [Татарников, 2014] между женихом и представителем стороны невесты, одетым в костюм сотрудника ДПС ГАИ, происходил весьма необычный смеховой поединок. «Гаишник» проверял знание женихом и его дружкой знаков дорожного движения, демонстрируя их изображения, напечатанные на листе формата А4, а жених и дружка должны были расшифровывать их применительно к семейной жизни.

«Гаишник» демонстрирует знак платные услуги «10 25 50»

Жених: 102 550 рублей — это зарплата моя за месяц?

Гаишник: Да... Нет — мало!

«Гаишник» демонстрирует знак, запрещающий левый поворот.

Жених: Налево не ходить!

«Гаишник» поворачивает листок на 90° налево, так что теперь стрелка указывает вниз.

Жених: И не ползти!

«Гаишник» демонстрирует аббревиатуру «ДПС».

Жених: Давай полтинник сразу.

«Гаишник»: Нет, дай, пожалуйста, стольник.

Все смеются.

Жених: Нет! Наоборот — скупой платит дважды!

«Гаишник»: принимается!

«Гаишник» демонстрирует знак «Стоп-контроль».

Жених затрудняется с ответом, тогда «гаишник» поясняет:

Домой приходишь когда на рогах...

Жених: А у нас там стоп-контроль...

Дружка: У нас рогов не будет!

«Гаишник»: Не с рогами, на рогах! Это разное!

«Гаишник» демонстрирует знак «Гостиница».

Жених затрудняется.

Дружка помогает: Супружеская кровать...

«Гаишник»: В любом состоянии, но приду на супружеское ложе!

Жених: Даже на рогах!

Дружка: И на бровях!

Смеховое состязание в данной театрализованной сценке убедительно показывает, что письменные тексты, особенно бытующие в официальной сфере, широко используются в современной свадьбе как одно из средств создания смеховой, праздничной атмосферы.

5. Заключение

Как показал анализ, смеховое состязание как одна из форм проявления смехового начала в русской народной свадьбе присуще как свадьбе традиционной, так и современной, в которой оно получило особое развитие вследствие абсолютного доминирования в ней праздничного начала. Сватовство, посещение девушками дома жениха, выкупы в доме невесты — эти и другие свадебные обряды, требующие активного взаимодействия брачующихся сторон, очень часто были одновременно и смеховыми состязаниями, в которых ярко проявлялось мастерство владения тем типом народного красноречия, которое называется балагурством. В этом состязании, которое представляло собой диалог, репликами сторон были как спонтанные, так и стереотипные речевые высказывания, в том числе такие фольклорные жанры, как приговоры дружки и корильные песни. В современной свадьбе это речевое состязание не только получило дальнейшее развитие и упрочение, но могло уже реализовываться с одновременным использованием устной и письменной речи, в том числе и официальных документов. Также дальнейшее развитие в современной свадьбе получило акциональное оформление смехового диалога, заменяющее или дополняющее вербальное состязание сторон.

Литература

1. *Балашов Д. М.* Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьоге (Тарногский район Вологодской области) / Д. М. Балашов, Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыкова / Ред.-сост. музыкальной части А. М. Мехнецов. — Москва : Современник, 1985. — 392 с.
2. *Белогурова Л. М.* Смоленские свадебные дразнилки / Л. М. Белогурова // Живая старина. — 2011. — № 2. — С. 18—23.
3. *Власова З. И.* Скоморохи и фольклор / З. И. Власова. — Санкт-Петербург : Алетей, 2001. — 524 с.
4. *Горошко Е. И.* Виртуальное жанроведение : устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, А. Е. Жегалина // Вопросы психолингвистики. — 2010. — № 12. — С. 105—123.

5. *Горошко Е. И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е. И. Горошко // *Жанры речи*. — 2009. — Вып. 6. Жанр и язык. — С. 111—127.
6. *Горошко Е. И.* К построению типологии жанров социальных медий / Е. И. Горошко, Т. Л. Полякова // *Жанры речи*. — 2015. — № 2 (12). — С. 119—127.
7. *Горошко Е. И.* Теоретический анализ интернет-жанров : к описанию проблемной области / Е. И. Горошко // *Жанры речи : сб. науч. тр. / ред. В. В. Дементьева*. — Вып. 4. — Саратов : Колледж, 2007. — С. 111—127.
8. *Гура А. В.* Конец свадьбы / А. В. Гура // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого*. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2 : Д—К (Крошки). — С. 580—583.
9. *Ефименкова Б. Б.* К типологии свадебных ритуалов восточных славян / Б. Б. Ефименкова // *Музыка русской свадьбы (проблемы регионального исследования) : тез. докл. науч.-практ. конф., г. Смоленск 20—24 мая 1987 г.* — Москва : Комиссия музыковедения и фольклора Союза композиторов РСФСР, 1987. — С. 8—15.
10. *Жекулина В. И.* Исторические изменения в свадебном обряде о поэзии: (по материалам Новгородской области) / В. И. Жекулина // *Обряды и обрядовый фольклор*. — Москва : Наука, 1982. — С. 237—253.
11. *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье / Н. В. Зорин. — Казань : Издательство Казанского университета, 1981. — 200 с.
12. *Кальницкая А. М.* Взаимодействие и взаимосвязи обряда с поэзией в средне-русской свадьбе : диссертация ... кандидата филологических наук / А. М. Кальницкая. — Москва, 1984. — 195 с.
13. *Карасик В. И.* Жанры сетевого дискурса / В. И. Карасик // *Жанры речи*. — 2019. — № 1 (21). — С. 49—55.
14. *Крашенинникова Ю. А.* Свадебные приговоры дружки : Структурно-семантический, функциональный аспект жанра : диссертация ... кандидата филологических наук / Ю. А. Крашенинникова. — Сыктывкар, 2003а. — 335 с.
15. *Крашенинникова Ю. А.* Свадебный диалог [у закрытых дверей] : логика построения текста (на примере нижевычегодских записей) / Ю. А. Крашенинникова // *Рябининские чтения — 2003 : материалы международной научной конференции — Петрозаводск : [б. и.], 2003б*. — С. 54—57.
16. *Круглов Ю. Г.* Русские обрядовые песни : учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Ю. Г. Круглов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Высшая школа, 1989. — 320 с.
17. *Кузнецова В. П.* Смех в северно-русской свадьбе / В. П. Кузнецова // *Рябининские чтения'95 : материалы международной научной конференции : сборник научных докладов*. — Петрозаводск : [б. и.], 1997. — С. 130—135.
18. *Лащенко С. К.* Заклятие смехом : Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян / С. К. Лащенко. — Москва : Ладомир, 2006. — 316 с. (Русская потаенная литература).
19. *Матлин М. Г.* «Пахать пол» : своеобразие семантики свадебного термина / М. Г. Матлин // *Научный диалог*. — 2016. — № 1 (49). — С. 59—69.

20. *Матлин М. Г.* Смеховая театрализация обрядов и обрядовых актов сватовства в традиционной русской свадьбе XIX—XX веков / М. Г. Матлин // Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора : сборник статей и материалов / отв. ред. С. П. Сорокина, Л. В. Фадеева. — Москва : Государственный институт искусствознания, 2015. — С. 234—243.
21. *Певин П.* Народная свадьба в Толвуйском приходе, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии / П. Певин // Живая старина. — 1893. — Вып. II, Отд. 2. — С. 219—248.
22. *Поздеев В. А.* Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда / В. А. Поздеев // Жанровая специфика фольклора. — Москва : МОПИ, 1984. — С. 60—74.
23. *Розин В. М.* Феномен сетевого фольклора / В. М. Розин // Традиционная культура. — 2007. — № 3. — С. 17—18.
24. *Современный русский свадебный обряд пос. Лесная Дача // Свадебная обрядность на территории Ульяновской области : материалы и исследования. — Ульяновск : Лаборатория культурологии, 1997. — С. 52—63.*
25. *Татарников С.* Свадьба ВЫКУП new [Электронный ресурс] / С. Татарников // YouTube. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=HeFjUU4q8SM>.
26. *Хонский С. И.* Концепт «смеховое поведение» и подходы к его рассмотрению / С. И. Хонский // Молодой ученый. — 2012. — № 9. — С. 255—257.
27. *Хонский С. И.* Социально-психологические функции смехового поведения / С. И. Хонский // Молодой ученый. — 2012. — № 11. — С. 370—373.
28. *Шевченко Е. А.* Свадебный обряд Лузского района Кировской области : Функциональные аспекты поэтических жанров / Е. А. Шевченко. — Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2010. — 288 с.
29. *Шейн П. В.* Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. : Т. 1, вып. 1, 2 / материалы собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Академии наук, 1900. — 834 с.
30. *Neill Martin.* The form and function of ritual dialogue in the marriage traditions of celtic-language cultures / Martin Neill. — Lewiston, NY : The Edwin Mellen Press, 2007. — 428 p.

Laughter Contest in Traditional Russian Wedding of 19 — early 21 Centuries

© Mikhail G. Matlin (2019), orcid.org/0000-0003-0748-1081, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Literature and Journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia), matlin@mail.ru.

The author describes the experience of many years of work on the study of laughter in the Russian folk wedding. In this work, in particular, one of the forms of its embodiment

in the Russian traditional and modern wedding is considered. Special attention is paid to such rites as Courtship, Visiting the groom's house by girls, Ransoms in the bride's house. It is shown that these and other wedding rites that require active interaction of the parties were very often at the same time laugh competitions, which clearly manifested mastery of such a type of folk eloquence, which is called *balagurstvo*. This competition, which was a dialogue, includes both spontaneous and stereotypical speech statements, in particular, such folklore genres as groomsman's sayings and *korilnye* songs were replicas of the parties. The article proves that in the modern wedding this speech competition not only has been further developed and strengthened, but could already be implemented with the simultaneous use of oral and written speech, including official documents. Greater development in modern wedding also got not a verbal contest of parties, but action accompanying of humorous dialogue, which could use items having in the specific wedding situation a humorous meaning (for example, setting the table for guests by food waste instead of holiday treats).

Key words: tradition; laughter; Russian folk wedding; rite; speech contest.

References

- Balashov, D. M., Marchenko, Yu. I., Kalmykova, N. I. (1985). *Russkaya svad'ba. Svadebnyy obryad na Verkhney i Sredney Kokshen'ge i na Uftyuge (Tarnogskiy rayon Vologodskoy oblasti)*. Moskva: Sovremennik. (In Russ.).
- Belogurova, L. M. (2011). Smolenskie svadebnyye draznilki. *Zhivaya starina*, 2: 18—23. (In Russ.).
- Goroshko, E. I. (2007). Teoreticheskiy analiz internet-zhanrov: k opisaniyu problemnoy oblasti. In: *Zhanry rechi*, 4: 111—127. (In Russ.).
- Goroshko, E. I. (2009). Internet-zhanr i funktsionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii. *Zhanry rechi*, 6: 111—127. (In Russ.).
- Goroshko, E. I., Polyakova, T. L. (2015). K postroeniyu tipologii zhanrov sotsialnykh mediy. *Zhanry rechi*, 2 (12): 119—127. (In Russ.).
- Goroshko, E. I., Zhegalina, A. E. (2010). Virtualnoye zhanrovedenie: ustoyavshiesya i spornoye. *Voprosy psikholingvistiki*, 12: 105—123. (In Russ.).
- Gura, A. V. (1999). Konets svad'by. In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 5/2: 580—583. (In Russ.).
- Efimenkova, B. B. (1987). K tipologii svadebnykh ritualov vostochnykh slavyan. In: *Muzyka russkoy svad'by (problemy regionalnogo issledovaniya)*. Moskva: Komissiya muzykovedeniya i folkloru Soyuzha kompozitorov RSFSR. 8—15. (In Russ.).
- Kalnitckaya, A. M. (1984). *Vzaimodeystvie i vzaimosvyazi obryada s poeziei v srednerusskoy svad'be: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2019). Zhanry setevogo diskursa. *Zhanry rechi*, 1 (21): 49—55. (In Russ.).
- Khonskiy, S. I. (2012). Kontsept «smekhovoye povedenie» i podkhody k yego rassmotreniyu. *Molodoy uchenyy*, 9: 255—257. (In Russ.).
- Khonskiy, S. I. (2012). Sotsialno-psikhologicheskie funktsii smekhovogo povedeniya. *Molodoy uchenyy*, 11: 370—373. (In Russ.).
- Krasheninnikova, Yu. A. (2003b). Svadebnyy dialog [u zakrytykh dverey]: logika postroeniya teksta (na primere nizhnevychegodskikh zapisey). In: *Ryabinin-*

- skie chteniya — 2003: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Petrozavodsk: [b. i.]. 54—57. (In Russ.).
- Krasheninnikova, Yu. A. (2003a). *Svadebnyye prigovory družki: Strukturno-semanticheskij, funktsionalnyy aspekt zhanra: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk.* Syktyvkar. (In Russ.).
- Kruglov, Yu. G. (1989). *Russkie obryadovyye pesni.* Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Kuznetsova, V. P. (1997). Smekh v severno-russkoy svad'be. In: *Ryabininskie chteniya '95: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Petrozavodsk. 130—135. (In Russ.).
- Lashchenko, S. K. (2006). *Zaklyatie smekhom: opyt istolkovaniya yazycheskikh ritualnykh traditsiy vostochnykh slavyan.* Moskva: Ladomir. (In Russ.).
- Matlin, M. G. (2015). Smekhovaya teatralizatsiya obryadov i obryadovykh aktov svatovstva v traditsionnoy russkoy svad'be XIX—XX vekov. In: *Funktsionalno-strukturalnyy metod P. G. Bogatyreva v sovremennykh issledovaniyakh folklor.* Moskva: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya. 234—243. (In Russ.).
- Matlin, M. G. (2016). “Pahat’ Pol”: Peculiarities of Wedding Term Semantics. *Nauchny dialog, 1* (49): 59—69. (In Russ.).
- Neill Martin. (2007). *The form and function of ritual dialogue in the marriage traditions of celtic-language cultures.* Lewiston, NY: The Edwin Mellen Press.
- Pevin, P. (1893). Narodnaya svad'ba v Tolvuyskom prikhode, Petrozavodskogo uezda, Olonetskoy gubernii. In: *Zhivaya starina, II* (2): 219—248. (In Russ.).
- Pozdeev, V. A. (1984). Prigovory družki v strukture severnorusskogo svadebnogo obryada. In: *Zhanrovaya spetsifika folklor.* Moskva: MOPI. 60—74. (In Russ.).
- Rozin, V. M. (2007). Fenomen setevogo folklor. *Traditsionnaya kultura, 3*: 17—18. (In Russ.).
- Shevchenko, E. A. (2010). *Svadebnyy obryad Luzskogo rayona Kirovskoy oblasti: Funktsionalnyye aspekty poeticheskikh zhanrov.* Syktyvkar: SyktyvkarSKIY gos. un-t. (In Russ.).
- Sheyn, P. V. (1900). *Velikoruss v svoikh pesnyakh, obryadakh, oby chayakh, verovaniyakh, skazkakh, legendakh i t. p.* Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akademii nauk. 1 (2). (In Russ.).
- Sovremennyy russkiy svadebnyy obryad pos. Lesnaya Dacha. (1997). In: *Svadebnaya obryadnost' na territorii Ulyanovskoy oblasti: materialy i issledovaniya.* Ulyanovsk: Laboratoriya kulturologii. 52—63. (In Russ.).
- Tatarnikov, S. Svad'ba VYKUP new. In: *YouTube.* Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=HeFjUU4q8SM>. (In Russ.).
- Vlasova, Z. I. (2001). *Skomorokhi i folklor.* Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Zhekulina, V. I. (1982). Istoricheskie izmeneniya v svadebnom obryade o poezii: (po materialam Novgorodskoy oblasti). In: *Obryady i obryadovyy folklor.* Moskva: Nauka. 237—253. (In Russ.).
- Zorin, N. V. (1981). *Russkaya svad'ba v Srednem Povolzhye.* Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta. (In Russ.).